

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 930.1(091):94(470+571)''17/19''

**ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ НИКОЛАЕВСКОГО ВРЕМЕНИ (1825–1855 ГГ.)***О. В. Грекова*

Предпринимается попытка исследовать основные версии историографии периода царствования второго Романова в отечественной исторической мысли Николаевского времени. Эпоха Алексея Михайловича привлекала профессиональных историков, видевших в нем центральную фигуру Московского государства XVII в.

Ключевые слова: историография, Московское государство, реформы, власть, общественная мысль.

Отечественная историография первой половины XIX в., как и всего столетия, отличалась позитивистской наивностью: историки верили, что можно описывать «как это было на самом деле». Для исторической мысли Николаевского времени характерно стремление осмыслить специфику исторического развития России в рамках «теории официальной народности», основой которой считалась формула С. С. Уварова «православие, самодержавие и народность», предложенная в докладе Николаю I в 1832 г.

В отечественной историографии второй четверти XIX в. появляются новые аутентичные документы XVII в., связанные с жизнью и деятельностью царя Алексея Михайловича. Именно этот факт вызвал у историков Николаевского времени профессиональный интерес к личности второго Романова.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении историографических особенностей изучения жизнедеятельности второго Романова в период Николаевского тридцатилетнего царствования. В работе рассматриваются только основные обобщающие труды историков по указанному периоду.

Ранним исследованием, полностью посвященным времени Алексея Михайловича, является монография В. Н. Берха [Берх, 1831]. Автор служил в Адмиралтейском департаменте и занимался исследованием истории флота и географических открытий. В 1828 г. Николай I официально утвердил его историографом русского военно-морского флота. Военный историк прославился, написав книгу об Алексее Михайловиче, которая вошла в трилогию о царствовании первых Романовых. Данное исследование имеет эмоционально-панегирический характер и основано, скорее, на пересказе источников, чем на их анализе. Все события описаны в хронологической последовательности, но встречается много фактических ошибок, которые автор объясняет тем, что «отечественных материалов, к царствию сему относящихся, весьма мало» и ему пришлось использовать лишь «рукописи и весьма редкие иностранные книги» [Берх, 1831, с. 17].

Вторым исследованием, появившимся в конце царствования Николая I и посвященным правлению Алексея Михайловича, является книга профессора Дерптского университета П. Е. Медовикова [Медовиков, 1854]. Он так же, как и Берх, использовал далеко не весь арсенал опубликованных источников при создании своего труда. Целью автора было оценить историческое значение эпохи царя Алексея Михайловича, осмыслить ее, прибегнув к экскурсу в прошлое – Московскую Русь в XV – начале XVII в. Медовиков, как в дальнейшем и С. М. Соловьев, основное внимание уделил внешнеполитическим событиям периода. Внутреннему развитию России посвящены пять меньших по объему глав. В них автор обобщил выводы своих предшественников о России XVII в. Н. Г. Чернышевский считал взгляды автора общепринятыми, не подлежащими спору. Он видел достоинства работы лишь в добросовестности историка, отказе от стремления «придумывать новые воззрения» [Чернышевский, 1854, с. 410]. Медовиков, как и Соловьев, являлся последователем «скептической школы» в историографии XIX в.

В 1846–1847 гг. Соловьев посвятил правлению первых трех Романовых спецкурс, а впоследствии царствование Алексея Михайловича он осветил в статье в журнале «Современник» [Соловь-

ев, 1852]. Автор практически полностью опубликовал, часто впервые, различные источники. Можно условно выделить три аспекта в создании образа царя Алексея Михайловича, которым уделил внимание Соловьев: биография, характеристика личности и деятельность царя. Первые два специально выделены в начале статьи, политическая роль второго Романова просматривается в контексте описываемых событий.

Огромный вклад в историческое осмысление и археографическое исследование правления второго Романова, его личностных качеств и особенностей мировоззрения внес И. Е. Забелин. Творчество Забелина во второй четверти XIX в. следует рассматривать в рамках критического направления исторической науки. Первая, написанная еще в 1840 г., работа историка, посвящена одному из важнейших элементов годового жизненного цикла государей XVI–XVII вв. – троицким походам. По сути, в ней описан поход Алексея Михайловича 1675 г. [Забелин, 1847].

Небольшие статьи Забелина в середине XIX в. были опубликованы в журнале «Москвитянин» [Забелин, 1850]. Тематика работ связана с русской жизнью XVII столетия. Эти работы стали основой для написания более значительного труда Забелина [Забелин, 1852], опубликованного в журнале «Современник». В нем автор сочетает элементы портретной характеристики Алексея Михайловича, источниковедческого анализа писем и археографической критики издания П. И. Бартенева [Бартенева, 1856]. Цель работы – дать личностную характеристику второго Романова. Забелин считал первостепенно важным источником эпистолярный труд царя Алексея Михайловича. Он справедливо полагал «Собрание писем» далеко не полным изданием того, «что писал когда-либо Алексей Михайлович» [Забелин, 1852, с. 203].

Ценность издания историка, литературоведа, издателя Бартенева в том, что в нем впервые были собраны письма царя Алексея Михайловича. Публикуемые источники систематизированы и снабжены предисловиями. Большой интерес представляют комментарии к письмам, где объясняются многие термины, имена, условия их написания. Стремление Бартенева собрать и прокомментировать уже напечатанные источники стало причиной кажущейся неполноты и беспринципности сборника, за что его отрицательно оценил Забелин. Тем не менее факт публикации Бартеневым писем стал событием в научной жизни России середины XIX в.

В 1854 г. появилась интересная работа профессора Харьковского университета А. П. Зернина [Зернин, 1854]. Историк был сторонником и последователем В. Н. Устрялова. В отличие от других исследователей, жаловавшихся на нехватку источников, он отмечал: «При настоящем богатстве материалов отечественной истории мы имеем возможность подробнейшим образом представить не только государственную деятельность царя Алексея Михайловича, но также наглядно изобразить царя в его частных отношениях» [Там же, с. 41].

Важно, что в очерк включены только те данные об истории царствования Алексея Михайловича, которые относятся к его личности. Другой новый и важный аспект работы – характеристика Алексея Михайловича через его взаимоотношения с приближенными. Статья Зернина имела большое значение не только для развития историографии личности царя Алексея, но и для привлечения внимания к изучению исторических фигур наряду с политическими событиями. Сам автор так писал об этом: «Хотя мой очерк имеет частный интерес, все же нельзя не согласиться в том, как много выигрывает история от изображений подобного рода. Собирая в одно место свидетельства о свойствах и наклонностях лиц, имеющих обширное историческое значение, мы многое разъясняем себе при изложении самих политических событий» [Там же, с. 71].

Во второй четверти XIX в. появились новые учебные пособия по истории. Учебники, своеобразное зеркало историографической ситуации, концентрировали внимание на разнообразных аспектах деятельности царя Алексея Михайловича, обозначенных в общеисторических работах. Одно из таких учебных пособий было написано адъюнктом истории Царскосельского лицея И. К. Кайдановым. Его труд являлся «руководством при первоначальном изучении Российской истории» [Кайданов, 1838].

Другой историк, профессор Петербургского университета, академик Санкт-Петербургской Академии наук В. Н. Устрялов [Устрялов, 1842] в 1830-е гг. опубликовал курс лекций «Русская история» в качестве учебного пособия для студентов. Учебные пособия Устрялова были официальными и единственными учебниками по истории, именно по ним осуществлялось обучение вплоть до 60-х гг. XIX в. Научное творчество Кайданова и Устрялова отражало общие тенденции развития историографической науки 20–40-х гг. XIX в. в рамках критического направления.

Перейдем к характеристике содержания основных работ по заявленной теме.

Факт рождения Алексея Михайловича изучали только Зернин и Берх, ссылаясь на «Дворцовые разряды», где указана дата рождения – 10 марта 1629 г. по старому стилю. По новому стилю наследник Михаила Федоровича Романова появился на свет 19 марта 1629 г. Зернин видел в этом событии государственный смысл, поскольку Михаил Романов сразу отправил посланников к боярам, дворянам и иностранным посольствам с вестью о рождении наследника. Берх же просто называет имена родителей и крестителя, не придавая данному событию политической окраски. Другие историки Николаевского времени не считали нужным даже упоминать эту дату и начинали описание личности второго Романова с его восшествия на престол в 1645 г.

В своем очерке Зернин отмечал, что «особых свидетельств о воспитании и детстве царевича нет» [Зернин, 1854, с. 44], по его мнению, он воспитывался так же, как и все царские дети в XVII в. При этом автор ссылаясь на канонический труд современника Алексея Михайловича Г. Котошихина. В отличие от других исследователей Николаевского времени Забелин считал образованность царя результатом не только чтения, но и общения с патриархом Никоном. Царь «обладал вполне старинною книжностью, так как знания о естественных науках на тот период времени были в разряде сказок и былин» [Забелин, 1852, с. 342].

Берх вообще не описывал детские годы Алексея Михайловича, поэтому мы не можем судить о воспитании царя. Более конкретно характеризовал его Устрялов: «Воспитание было ограничено: по крайней мере многие из них, еще до вступления на престол, достигли зрелых лет, принимали деятельное участие в государственных делах и опытом заменяли науку» [Устрялов, 1842, с. 131]. Мнения историков совпадали лишь в том, что участие царевича в придворных церемониях, беседах с иностранцами, приемах являлось одним из элементов воспитания того времени. Как ни странно, ни один из историков не раскрывал роль Михаила Федоровича в воспитании сына.

Церемония венчания на царство Алексея Михайловича описана Берхом и Медовиковым, однако авторы говорят о ней совершенно по-разному. Берх сосредоточил внимание на речи царя и рисовал образы первых двух Романовых. Так, по мнению историка, Алексей Михайлович, законный преемник династии Рюриковичей, в торжественной речи, описывая положение России, переходил прямо от царя Федора Иоанновича к Михаилу Федоровичу, игнорируя царей Смутного времени. Первый Романов в этом случае был более умеренным: когда ему предлагали убрать гроб царя Бориса Федоровича из усыпальницы царей российских, он ответил: «Борис был враг моему роду, но он был царь русский» [Берх, 1831, с. 30], а гроб царя Василия Шуйского поставили рядом с гробами других царей России. Исходя из этого поступка можно сделать вывод, что Михаил Романов был более благосклонным к своим предшественникам.

Медовиков описывал не венчание на царство Алексея Михайловича, а процесс принятия присяги на верность царю от ближайших родственников до простого народа. Автор обращал внимание на усложнение обряда присяги. Применение термина «собрание», а не «избрание», как это было в 1613 г., он считал признаком утверждения нового династического права. Не ясно следующее: был ли собор, избравший Алексея Михайловича на царство? Прямых указаний источников Николаевского времени на проведение такого собора нет, но подобная практика существовала в предыдущие эпохи. В современной историографии процедуре возведения на престол царевича Алексея Михайловича посвящена, в частности, статья О. Е. Кошелевой [Кошелева, 1999]. По ее мнению, присяга была организована быстро, а самого Собора в 1645 г. не было.

В историографических трудах Николаевского времени значительное внимание уделялось характеристике личности воспитателя царя – боярина Б. И. Морозова. Зернин опровергал устоявшееся мнение о корыстолюбии боярина, собрав мнения о Морозове как иностранных, так и отечественных современников. Первым из иностранцев о воспитателе царя Алексея Михайловича упоминал датский принц Вольдемар. Во время своего пребывания в России он отмечал, что Морозов имел силу еще при дворе царя Михаила Федоровича, а также расположение царевича. Другой иностранец, Адам Олеарий, изображал Морозова честолюбцем, стремившимся к усилению и утверждению своей власти. Негативное отношение к этому деятелю, по мнению Зернина, сложилось благодаря Н. М. Карамзину, обосновывавшему свои выводы, ссылаясь только на сведения Олеария. Зернин же, в свою очередь, полагал: «При современных требованиях отечественной истории странно было бы делать приговор о ком бы то ни было на основании одних только иностранных известий, не пересмотрев сначала отечественных материалов» [Зернин, 1854, с. 50].

С точки зрения Зернина, верить иностранным источникам можно частично, а вот Котошихину, написавшему фундаментальный труд о царствовании Алексея Михайловича, и Ф. М. Ртищеву, близкому человеку боярина, несомненно, можно. Забелин пытался объяснить, почему Зернин опровергал утвердившееся отрицательное отношение к Морозову. По мнению Зернина, «воспитанник его имел высокие качества души, следовательно, должен иметь такие же высокие качества души, какими славился воспитатель» [Там же, с. 49]. В этом полемическом споре Зернин остался в меньшинстве, так как историки Николаевского времени придерживались негативного отношения к боярину Морозову, выделяя главный его порок – корыстолюбие.

Из близких людей, с которыми общался царь Алексей Михайлович, вызывал интерес историков патриарх Никон. Зернин уделял значительное внимание биографии патриарха, ссылаясь на данные, приводимые его биографом И. К. Шушериным в «Житии патриарха Никона».

Отношения царя с патриархом формально можно разделить на два периода: до ссоры и после нее. Первый период отношений был наполнен уважением и восхищением со стороны царя. Подтверждением этому служит, по мнению историков Забелина и Зернина, переписка, в которой царь называл своего любимца «великим солнцем сияющим» [Там же, с. 60], «наставником души и тела» [Там же, с. 61]. Из переписки видно, что царь Алексей Михайлович отвел патриарху роль советника, а также друга семьи, на эти аспекты взаимоотношений царя и патриарха обращает внимание Медовиков: «Во время похода оставлял царскую семью на попечение Никона, и государство... Царь даровал патриарху титул «Великого Государя», которым именовался Филарет Никитич» [Медовиков, 1854, с. 195].

После возвращения из военных походов царь застал в Москве «другого великого государя» – Никона. Основа конфликта между царем и Никоном представлена как столкновение двух сильных по духу личностей, стоящих у власти. Однако Медовиков не придал значения данному утверждению, понимание этого пришло уже к Соловьеву.

Второй период взаимоотношений царя и патриарха, по мнению Медовикова, начался с зарождения конфликта, но историки Николаевской эпохи не могут назвать точной даты этого. Главной причиной конфликта все историки считают влияние отрицательного мнения окружающих о Никоне. Медовиков видел одного из недругов патриарха в боярине Морозове, который опасался влияния «неблагоденных людей». Данные о том, что Морозов устраивал «козни» против патриарха, не приводятся, наверное, потому что их нет. Под «неблагоденными людьми» [Там же, с. 194] подразумевались старообрядцы, которые появились в результате реформы Никона и подвергались гонениям со стороны церкви. Кайданов возмущался поведением Никона и характеризовал царя как мудрого правителя, пытавшегося сохранить хорошие отношения с Никоном, но самовольный патриарх решил покинуть паству. Устрялов, наоборот, перечислял заслуги патриарха перед церковью и перед народом. Подводя итоги деятельности Никона, он писал: «Не вводя ни наук, ни искусств, исправляя только старое, он давал лучшее направление главным условиям гражданственности» [Устрялов, 1842, с. 122].

На протяжении всего правления Алексея Михайловича время от времени на передний план выходили отношения царя с близким окружением: Н. И. Одоевским, А. И. Матюшкиным, А. С. Матвеевым, А. Л. Ордин-Нащокиным. Зернин выделил такие черты личности царя, как простота и искренность, которые ярко раскрылись в общении с князем Одоевским. В подтверждение этого он привел описание смерти сына князя и деятельное участие царя в организации похорон и утешении близкого друга.

Отношения с Матюшкиным сложились, как утверждал Зернин, с детства. Автор перечислял несколько писем, пояснив, что они «очень разнообразны по содержанию и относятся к разным периодам его жизни» [Зернин, 1854, с. 67]. Поэтому можно сделать вывод: переписка царя с Матюшкиным была постоянной, а значит, необходимой и важной для царя.

Медовиков, характеризуя дипломатическую деятельность в эпоху Алексея Михайловича, описывал ее ярких представителей – Ордин-Нащокина и Матвеева. Он уделил особое внимание причинам ухода Ордин-Нащокина с государственной службы и возвышению Матвеева, полагая, что у первого было большое количество завистников, но второй в их число не входил. Забелин опровергал это мнение, утверждая, что все окружение царя было корыстолюбивым, в том числе Ордин-Нащокин и Матвеев. Свое мнение историк считал неопровержимым, так как данный факт «засвидетельствован не только иностранными, но и русскими источниками, например, Котошихиным»

[Забелин, 1852, с. 338].

Правление второго Романова историки относят к допетровской Руси, в которой господствовали патриархальные понятия и одним из важных событий являлось вступление царя в брак. Зернин писал о необходимости вступления в брак Московских монархов с иностранками, приводил примеры поиска невест царями Иваном Грозным и Михаилом Федоровичем. Проблема несостоявшихся браков, по его мнению, заключалась в «отчужденности Московского государства» [Зернин, 1854, с. 51], под которой, наверное, понимались расхождения в религиозных взглядах. Сам историк не комментировал это.

Очень большое внимание Зернин уделил датскому посольству Вольдемара по случаю переговоров о заключении брака с царевной Ириной. Зернин сожалел, что брак так и не был заключен из-за нежелания изменить веру какой-либо из сторон. Для исследователя сближение российских монархов с иностранными дворами было важно, поскольку служило политическому возвышению государства. Никто из первых Романовых так и не смог вступить в такой брак, поэтому царскую невесту выбирали, как правило, из дворянской среды, желательно незнатного происхождения.

Медовиков и Берх объясняли выбор первой жены царя Алексея Михайловича влиянием боярина Морозова. Берх дал характеристику роду Милославских с того момента, как Морозов «заимел на него долговидные планы» [Берх, 1831, с. 43]. Зернин же приводил в защиту Морозова сведения, полученные Котошихиным, и утверждал, что «нет прямых несомненных улик против Морозова в деле с дочерью Рафа Всеволожского. Но если нет повода обвинять его здесь, то нет оснований приписывать его дальновидному расчету выбор в невесты царю дочери Ильи Милославского» [Зернин, 1854, с. 52]. Второй брак царя интересен был только Берху. Описание брака практически сводится к перечислению качеств, которыми обладал царь, – добродетельности и справедливости. По мнению историка, справедливость монарха заключалась в сохранение местничества.

Историки второй четверти XIX в. интересовали также мировоззрение и личность царя Алексея Михайловича, поскольку Берх, Зернин и Забелин впервые поставили вопрос личностной характеристики царя, реалистичного описания его внешности, эмоций. Некоторые из их положений стали хрестоматийными: «...особого замечания заслуживает внимание царя Алексея Михайловича к родным сестрам» [Забелин, 1852, с. 338], «...любя во всем порядок и желая привести в систему, написал сам соколиный устав» [Там же, с. 350]. Берх попытался дать характеристику личности царя в связи с его внешностью: «Характер его соответствовал сей пригожей наружности. Хотя он был монарх самодержавный, но наказывал только по одной необходимости, и то с душевным прискорбием» [Берх, 1831, с. 26]: «...был очень вспыльчив и в минуты гнева давал волю рукам своим, но не был злопамятен» [Там же, с. 29].

Важным для указанной темы является очерк Зернина, в который включены «только те данные из истории царствования Алексея Михайловича, которые относятся собственно к его личности, начиная с того времени, когда он впервые выступает из уединенного терема на обширное поприще» [Зернин, с. 42]. Автором дана характеристика Алексея Михайловича через его взаимоотношения с приближенными сановниками. «Изображая Морозова и Никона в их частных отношениях к царю Алексею Михайловичу, мы видели прочные доказательства прекрасных свойств его» [Там же, с. 63]. Эти «свойства» – «простота», «искренность».

Забелин составлял портретные характеристики на основе источниковедческого анализа писем. Искренность Алексея Михайловича в описании посмертных изменений в патриархе Иосифе – показатель того, что автор таких строк «не мог принадлежать к числу людей, которые скрывают действительно живое лицо» [Забелин, 1852, с. 329]. Письма представляли царя как «нежного друга, способного на горячую привязанность». Милосердие – «преобладающая черта в характере Алексея Михайловича» [Там же, с. 331]. Оно находило выражение в любви к нищим, человеколюбию, милостивом снисхождении к людям. «Самая страсть к соколиной охоте служит также верной характеристикой благородных направлений его вкуса» [Там же, с. 333].

Жалованная грамота Ордин-Нащокину в 1658 г., фрагмент которой приводит Забелин, наводит автора на мысль, что государь высоко ценил прежде всего нравственные достоинства человека, «а затем уже верного и радательного слугу» [Там же, с. 209]. Царь обладал своими отношениями к людям «в чувство дружелюбия и родственности». Но милосердие царя нельзя назвать неразборчивым, для его определения Забелин применил особый термин – «разумное милосердие» [Там же, с. 333].

Чувство правды – одно из основных в характере царя, причем это не просто «умозрительная»

правда, она «в высшей степени деятельная, практическая» [Там же, с. 335]. Другой элемент мировоззрения – «сознание долга» – «явилось у Алексея Михайловича в той строгой чистоте, в той святости, которая высоко ставит царя над его современниками» [Там же, с. 338], главным качеством которых была корысть.

Впервые в статье Забелина затрагивался вопрос об эстетических взглядах второго Романова: «Он любил стройство, урядство не только потому, что оно уставляет и объявляет красоту и удивление (удивление – то же самое, что у нас изящество)...» [Там же, с. 339]. Также впервые в русской историографии отмечена роль Алексея Михайловича в организации царского двора, формировании канонов придворной культуры. «Царский дворец и двор получили при нем совершенно иной вид: иностранцы неоднократно высказывали свое изумление при виде того великолепия, каким окружал себя московский царь» [Там же].

Личность и взгляды царя Алексея Михайловича представлены другими авторами очень скудно. Практически ничего не сказано о роли государя в описываемых событиях. Медовикова интересовала особая набожность царя, создание им придворного театра. Таким образом, он ничего нового не внес в историографию личности Алексея Михайловича. Причина этого – в источниковедческой позиции автора. Он считал, что по причине угасания летописания XVII столетие «представляет ...слишком мало исторических памятников» личного происхождения [Медовиков, 1854, с. 4].

Разнообразные виды увлечений царя говорят о его разносторонних интересах, но особое место среди них принадлежит соколиной охоте. Большое внимание в своем труде Зернин уделял описанию царской охоты, особенно соколиной, ссылаясь на Котошихина и Мейерберга. В частности, его интересовало, на каких зверей охотились и каким образом их доставляли в места, где проводилась охота.

Зернин придерживался того мнения, что соколиная охота для царя являлась потехой, с ним был солидарен и Медовиков, хотя и ссылаясь на другой исторический источник XVII в. – «Дворцовые разряды». Опровергал это мнение Забелин. Он утверждал, что соколиная охота – занятие благородных людей, требующее от них знания дела. В качестве подтверждения своей точки зрения он приводил письма царя к Матюшкину, в которых царь давал «точные указания, как вести заботу о птицах, учить и наблюдать...» [Забелин, 1852, с. 333].

Берх не касался самой процедуры соколиной охоты, его больше интересовал вид царских соколов, описанный Мейербергом. Интересен один нюанс, который отмечал автор: «...помимо охоты царь один ходил на медведя» [Берх, 1831, с. 240]. По очевидным причинам это сообщение вряд ли может быть истинным, так как в случае гибели царя было возможно повторение Смутного времени, что было бы крайне нежелательно.

При Алексее Михайловиче соколиная охота представляла собой систему церемоний в виде «Урядника сокольничего пути» [Бартенев, 1856, с. 87–138]. К сожалению, только Забелин заинтересовал этот труд. Он провел текстологическую работу, установив литературные источники, использованные царем, исследовал отдельные терминологические, исторические особенности документов и пришел к выводу, что авторы «Урядника» опирались на существовавшие чиновники, в частности на «Чин поставления митрополита Иосифа 1539 г.» [Забелин, 1852, с. 365].

Кроме того, Забелин не согласен с П. А. Бессоновым, выделявшим в «Уряднике» деятельную и умозрительную части, считая, что «Урядник» попросту делится на предисловие, или введение, и описание обрядов» [Там же, с. 361]. Забелин абсолютно уверен в авторстве предисловия «Урядника»: «...охотник-царь, без сомнения, сам же и составлявший это предисловие», часть из него «он приписал своей рукой» [Там же, с. 362].

Что касается выражения из «Урядника» «Делу время и потехе час» [Там же], то Забелин не верил, что царь отдавал потехе всего лишь час. «Час» в данном случае – синоним слова «время». В этих словах выражена мысль о том, что всему свое время: и делу, и потехе. Правда, несколько ранее в своей работе Берх давал подобную расшифровку этого выражения, называя царя мудрым.

Следует отметить, что XVII в. был временем культа сакральных качеств и явлений. В этой связи важно рассмотреть составляющие придворного быта, способствующие обособлению, сакрализации личности царя. Охота была одним из способов сакрализации монарха, демонстрации его «инаковости». При царе Алексее Михайловиче соколиная охота была оформлена юридически, отделена от зверовой и подчинена Приказу тайных дел.

Обращает на себя внимание огромное значение, которое придавалось охоте: особые государственные поручения сокольникам, совершение охот во время военных и богомольных походов, система наград и наказаний, связанных с охотой, количество времени (часто царь проводил на охоте целые световые дни) и личное внимание, которое занимала охота. Царские птицы дарились как высшая награда за выдающиеся достижения в государственной деятельности. Берх приводит следующий пример: «...четыре кречета были подарены Н. И. Одоевскому за заключение договора с Польшей об избрании Алексея Михайловича на польский престол после смерти Яна Казимира» [Берх, 1831, с. 242].

В правлении Алексея Михайловича Зернин выделил два периода, «характер которых существенно различен» [Зернин, 1854, с. 42]: до войны с Польшей (преобладание внутренних дел) и после (преобладание внешних). Другие историки сохраняли традиционное деление: деятельность царя в начале и в конце правления. Дискуссии у историков начинались с вопроса: царь правил в начале своего царствования сам или вместо него это делал Морозов? Первое мнение разделяли Зернин и Берх. В частности, Зернин писал: «В первую половину царствования Алексей Михайлович принимал деятельнейшее участие в делах государственных» [Там же, с. 56].

Берх начинал описание правления царя с момента решения им вопроса, который не смог решить царь Михаил Федорович Романов. Речь идет о выдаче замуж царевны Ирины за датского принца Вольдемара. Вторым важным политическим действием было составление нового торгового закона, в соответствии с которым иностранные купцы были ограничены в торговле на территории России, в свою очередь это привело к стабилизации русской казны. Подводя итог началу правления царя Алексея Михайловича, историк называл его реформы мудрыми.

Противоположного мнения придерживались Устрялов и Медовиков. Первый сравнивал начало правления Алексея Михайловича с правлением беспечного Федора Иоанновича, отмечая, что «юный царь мало занимался делами государственными» [Устрялов, 1842, с. 120], а Морозов заменил на время царя и «хотел быть вторым Годуновым» [Там же]. Второй пояснял, почему Алексей Михайлович не мог править вначале самостоятельно и достойно: «царю не доставало твердости и опытности, свойственных летам более зрелым», и «судьба не подарила ему руководителя, какого имел юный Михаил в Филарете Никитиче» [Медовиков, 1854, с. 53].

В историографии Николаевского времени историки значительное внимание уделяли внешнеполитической деятельности монарха. Медовиков выделил в ней три направления, интересующие авторов второй четверти XIX в.: 1) отношения с Польшей и Швецией, 2) мирные отношения с европейскими странами, 3) безопасность границ. И это действительно соответствует тому материалу, который отражен в трудах многих историков.

Внешняя политика Алексея Михайловича, с точки зрения Устрялова, подобна политике Дмитрия Донского и Иоанна III. Его перу принадлежит описание войны со Швецией. Устрялов выделил три этапа в войне: первый – победа Швеции и поражение русских войск в результате местничества и введение медных денег; второй – ведение в течение трех лет переговоров, не позволивших прийти к соглашению; третий – подписание мирного договора в 1661 г.

Присоединение Малороссии к России описано Берхом в хронологической последовательности. Медовиков посвятил этой теме значительную часть своей работы. Он выделил три этапа в указанном процессе: первый – решение вопроса о присоединении Малороссии в царствование Михаила Федоровича; второй (1645–1654 гг.) – мирное признание подданства; третий – утверждение новых приобретений оружием. По мнению историка, «...царствование Алексея Михайловича – важная эпоха, при нем последовало присоединение Малороссии» [Медовиков, 1854, с. 64].

В правление Алексея Михайловича европейские страны искали союза с Московией, при этом каждая преследовала свои цели. России необходимо было утвердиться на международной арене и участвовать в политической жизни Европы. Поэтому дипломатические отношения занимали важное место в монографиях о времени Алексея Михайловича. Например, Берх перечислил те страны, с которыми Россия имела посольские дела: Англия, Голландия, Франция, Испания, Австрия, Китай, Грузия. Этот список можно дополнить Данией, Венецией, Тасканией, по сведениям другого историка – Медовикова, который в отличие от Берха выделил мирные отношения в отдельную главу, объясняя это тем, что «отношения с иностранными державами во второй половине XVII века становятся все многочисленней» [Там же, с. 145]. Достоинство его работы заключалось еще и в том, что он характеризовал отношения не только с западными странами, но и с восточными – Турцией,

Персией, Индией и Китаем. Берх же ограничился анализом отношений только с Китаем. Московское посольство в него было неудачным, хотя историк утверждал, что к русскому государству китайские сановники и император стали относиться с уважением, так как «русские отказались от выполнения тех унижительных обрядов, которых от них требовали китайские вельможи» [Берх, 1831, с. 91]. Медовиков рассматривал переговоры с Китаем с политической точки зрения и признал посольство неудачным, так как в результате него пришлось «в течение 20 лет отношения с Китаем производить только от сибирских начальников» [Медовиков, 1854, с. 156]. Историк констатировал также факт неудачного посольства в Индию, правда, причин не назвал.

Одной из особенностей историографии Николаевского времени является отсутствие материала о заимствовании и использовании иностранных знаний для развития просвещения в России. Складывается впечатление, что Алексей Михайлович не ставил перед собой такую задачу, что странно, так как царя многие историки называли «просвещенным монархом».

Третье направление во внешней политике Алексея Михайловича обычно сводилось историографами к покорению южных и сибирских народов. Ни один из историков не обратился к данной теме, есть лишь беглое упоминание о достижениях С. Дежнева, Е. Хабарова, отрывочные сведения о покорении башкир, калмыков.

Внутренняя политика Алексея Михайловича рассматривалась историками второй четверти XIX в. через призму финансовой, законодательной и военной реформ. Например, Медовиков называл этот период финансовым кризисом. По его мнению, выступление народа против медных денег было спровоцировано боярином Морозовым, однако другого мнения придерживался Берх, приводя доказательства влияния иностранных купцов на недовольство масс.

Законодательная реформа представлена историками отрывочно, и, только объединив все имеющиеся сведения о реформе, можно получить относительно ясную картину ее. В частности, Кайданов полагал, что «...после бунта впечатленный царь осознал необходимость создания правосудия» [Кайданов, 1838, с. 33]. Устрялов описал процесс создания Соборного уложения, заключающегося, по его мнению, в исправлении и дополнении прежних законов. Медовиков же считал, что «в дальнейшем Алексей Михайлович дополняет новыми указами Уложение» [Медовиков, 1854, с. 164]. Таким образом, ни один из историков полного описания Соборного уложения 1649 г. так и не представил.

Военная реформа также была кратко изложена, как первая попытка создания флота и армии на европейский манер. Медовиков, Берх, Устрялов отдают главную роль в деле формирования первого варианта отечественного флота Ордин-Нащокину. По их мнению, фигура царя в решении этого вопроса была второстепенной, он задумывался о флоте, но не ставил перед собой цель его создания.

Подводя итоги внутренней политики Алексея Михайловича, отметим следующее: историки Николаевского времени не считали, что царь заложил основу для реформ Петра I. По их мнению, он правил по старым утвердившимся принципам, за рамки которых не стремился выходить.

На основе исследования можно выделить особенности историографии Николаевского времени: – в отечественной историографии появились первые монографические работы, посвященные личности, деятельности царя Алексея Михайловича. Исследования Николаевского периода носили, безусловно, научный характер, но скорее всего не соответствовали тем целям, которые ставили перед собой сами авторы. Принципиально нового в этих сочинениях ничего нет, историки только обобщили ранее известные факты. Значение такого рода произведений заключается в создании основы для фундаментальных работ титанов русской исторической мысли – С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова;

– в отечественной историографии появились публикации отдельных царских писем. Так, П. А. Муханов издал сборник исторических документов, среди которых двадцать два письма царя Алексея Михайловича к стольнику Матюшкину. Именно на основе этих писем создавались многие исторические работы Николаевского времени. Изучение переписки позволило историкам составить частичный психологический портрет второго Романова;

– в отечественной историографии все исследования отличались неполнотой сведений. Историки использовали преимущественно материалы современников царя Алексея Михайловича, как российских, так и иностранных: Котошихина, Олеария, Мейрберха, Коллинса и др. А современники любой эпохи были склонны преувеличивать достижения правителя, что приводило к искажению исторической реальности. Аутентичные же документы XVII в., опубликованные во второй четвер-

ти XIX в. в Актах Археографической экспедиции [*Акты Археографической экспедиции*, 1836, т. 2, 4], Актах исторических [*Акты исторические*, 1841, т. 2; 1842, т. 5], Дворцовых разрядах [*Дворцовые разряды 1612–1700 гг.*, 1850–1855; *Дополнения к Дворцовым разрядам*, 1854], к сожалению, исследователи почти не использовали;

– историографические труды были наполнены панегирическими и апологетическими характеристиками. Влияние на историографическую науку также оказал внутривластный курс государства. Правление Николая I вошло в историю как «апогей самодержавия». Жесткое подчинение правилам и нормам политического курса касалось всех, и в первую очередь исторической науки, поэтому самодержавное достоинство, доброе отношение к людям, любовь к «урядству» имели место во всех исторических трудах;

– в российской историографии все исследования содержали фактологические ошибки. Объяснить это можно тем, что историки не владели источниками в том объеме, который необходим для создания полноценных работ. В качестве примера можно привести высказывание Берха о якобы общедоступном театре в правление Алексея Михайловича или утверждение Забелина, что чума 1654 г. помешала России победить Швецию;

– историки Николаевского времени именуют XVII в. архаичным и называют его допетровской эпохой. Авторы рассмотренных работ проводили параллели, сравнивая царя Алексея Михайловича с князьями и царями прошлого, например, с Дмитрием Донским, Иоанном III и Федором Иоанновичем.

Библиографический список

- Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 2, 4.
Акты исторические. СПб., 1841. Т. 2; 1842. Т. 5.
Бартенев П. И. Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением «Уложения сокольничего пути» // *Современник*. 1856. № 3.
Берх В. Н. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831. Ч. 1.
Дворцовые разряды 1612–1700 гг. СПб., 1850–1855. Т. 1–4.
Дополнения к Дворцовым разрядам. СПб., 1854.
Забелин И. Е. Вербное воскресенье в старину // *Москвитянин*. 1850. № 8.
Забелин И. Е. Заметки о старинной масленице // *Москвитянин*. 1850. № 5.
Забелин И. Е. Троицкие походы русских царей. М., 1847.
Забелин И. Е. Царский выход в день Богоявления // *Москвитянин*. 1850. № 1.
Забелин И. Е. Черты русской жизни в семнадцатом столетии // *Современник*. 1852. № 3.
Зернин А. П. Царь Алексей Михайлович (историческая характеристика из внутренней истории России XVII столетия) // *Москвитянин*. 1854. № 14.
Кайданов И. К. Краткое начертание российской истории. СПб., 1838.
Кошелева О. Е. Лето 1645 года: смена лиц на российском престоле // *Альманах. Индивидуальное и уникальное в истории*. М., 1999.
Медовиков П. Е. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М., 1854.
Соловьев С. М. Обзор царствования Алексея Михайловича Романова // *Современник*. 1852. № 3, 4.
Устрялов Н. Г. Начертание русской истории, для средних учебных заведений. СПб., 1842.
Чернышевский Н. Г. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. Сочинение П. Е. Медовикова. М., 1854. Т. 2.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.07.2011